

прахъ предъ милосердіемъ небеснымъ боевыми сонмами смиренныхъ самоотверженныхъ простыхъ сердець. Этотъ небесный миръ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, осѣнялъ нашихъ воиновъ и на смертныхъ ложахъ, на бранномъ полѣ, когда приходится жертвовать жизнію. Мало ль мы знаемъ въ высшей степени спокойныхъ смертей военныхъ людей, убитыхъ или раненыхъ на войнѣ, — кончинъ истинно мирныхъ, непостыдныхъ христіанскихъ? Каждый изъ такихъ умирающихъ чувствуетъ въ послѣднія минуты, что честно исполнилъ самый тяжкій долгъ, принесъ высшую жертву за отечество земное, чая отечества небеснаго, предавая духъ свой въ руки Отца небеснаго. А то ли мы начинаемъ видѣть съ тѣхъ поръ, какъ даже военныя сочиненія стали распространять между своими невѣріе? А имъ дѣлать это не значить ли рыть себѣ могилу собственными руками?.. Смутное что-то и недоброе въ общемъ начинаемъ видѣть и слышать... Откуда, изъ христіанскаго ли, или антихристіанскаго духа, это множество самыхъ легкомысленныхъ самоубійствъ, изъ щекотливости, изъ оскорбленнаго самолюбія и другихъ легковѣснѣйшихъ причинъ, да и другое кое-что, чудовищное, непонятное, немислимое, хотя и дѣйствительное?.. Какъ будто негдѣ стало на широкой Руси и ея безконечныхъ окраинахъ, русскимъ удальцамъ, искони христіанскимъ воинамъ, сложить свои удалыя головы, не для личнаго мрачнаго каприза, но во честномъ бою, въ жертву отечеству, во спасеніе своей души, въ назиданіе и усладу всѣмъ намъ, въ честь православнаго русскаго царя, во славу Царя небеснаго, въ вѣчную память себѣ, подъ упокоивающимъ покровомъ поминальныхъ пѣснопѣній и молитвъ святой православной церкви? Мракъ душъ

становится повальнымъ и немирность сердець — заразительною.

Какъ поглядишь, да подумаешь, то съ томящимъ горемъ останавливаешься на горькой думѣ, что перестаемъ мы возносить славу въ вышнихъ Богу, оттого и благоволеніе Божіе, повидимому, возвращается отъ людей на небо, и миръ Божій бѣжить съ нашей смятенной и смущенной земли. Аминь.

Важный вопросъ.

Осмѣливаюсь обратить вниманіе тѣхъ изъ достопочтеннѣйшихъ читателей «Церковныхъ Вѣдомостей», которымъ вручено душпастырство, т.-е. пасеніе душъ христіанскихъ, на вопросъ чрезвычайно важный, жизненный для нашей православной Церкви.

Какой это вопросъ, позвольте выяснить изъ коротенькаго разсказа, не вымышленнаго, взятаго изъ жизни галицко-русскаго душпастыря, записаннаго съ его словъ и напечатаннаго мною въ 1872 г. въ журналѣ «Наука» подъ заглавіемъ: «Крѣслаты (вѣтвистые) тополи».

Молодой человекъ, Василій Гавришкевичъ, кончившій курсъ богословскихъ наукъ въ Львовскомъ университетѣ, женившись и получивъ рукоположеніе, назначается душпастыремъ въ Новоселъ. Приходъ, при его поступленіи, былъ въ совершенномъ запустѣніи; прихожане были въ большинствѣ нищія, пьяницы и воры. Постѣ жатвы, вмѣсто изобилія плодовъ земныхъ, у нихъ начинался голодь, многіе оставляли дома и шли съ сумами по міру. Были то горькіе плоды многолѣтняго пребыванія въ этомъ приходѣ священника жизни, къ прискорбію скажемъ, негрезвой: худой примѣръ онъ подавалъ своимъ пасомымъ. Содержаніе вновь поступившаго священника было бѣдное. Земли до-

вольно, но почва плохая, лѣсовая, требовавшая большаго ухода, награждавшая трудъ земледѣльца только въ сухія лѣта; въ дождливыя же почва не возвращаетъ иногда и сѣмянъ. Тогда было нѣсколько вакансій на хорошія мѣста; но о. Василій избралъ себѣ именно этотъ приходъ потому, что еще при жизни своего предшественника видѣлъ ужасное его запустѣніе. Онъ подумалъ, что не здоровый требуетъ врача, а болящій, и почувствовалъ влеченіе своего сердца быть такимъ духовнымъ врачомъ больнаго народа. Власти сельскія позаботились, однакожь, о постройкѣ для новаго священника хорошаго дома и хозяйственныхъ зданій. Когда домъ былъ готовъ, о. Василій посадилъ предъ нимъ отъ улицы нѣсколько вѣтвистыхъ тополей съ тѣмъ назначеніемъ, чтобы его похоронили въ гробѣ изъ досокъ, которыя будутъ вытесаны изъ этихъ тополей. Значитъ, онъ рѣшилъ для себя въ томъ приходѣ и сложить свои кости. Эти тополи, стоящіе предъ глазами, ежедневно напоминали ему о смерти и о тѣхъ обязанностяхъ, какія онъ принялъ на себя по отношенію къ своей паствѣ.

О. Василій служилъ въ церкви весьма усердно и никогда не пропускалъ ни проповѣди послѣ обѣдни, ни бесѣды съ молодежью послѣ вечерни въ воскресные и праздничные дни. Замѣтны были уже слѣды его душпаствыртства не только съ церковно-просвѣтительной, но и матеріальной стороны. При лучшей нравственности возстановлялось мало-по-малу и благосостояніе народа.

Вотъ какой былъ случай въ началѣ его служенія. Однажды, лѣтомъ, пошелъ онъ далеко на сѣнокосъ. Вечеромъ на небѣ собрались тучи, и онъ, торопясь, пустился домой. Но сильный дождь съ молніею заставилъ его укрыться подъ *тронъ* (край крыши) хаты. Въ хатѣ были дѣти. Онъ прислушался къ ихъ дѣтскимъ разговорамъ и здѣсь уже

много узналъ горькаго. Вошелъ въ хату и подробнѣе ихъ разспросилъ. Оказалось, что они питаются одними только горькими грибами, хлѣба совсѣмъ не видятъ; когда можно, крадутъ картофель въ ссѣднихъ огородахъ. Отецъ ихъ все прокутилъ въ корчмѣ, даже и послѣднее платье матери. Пришла и мать ихъ и, увидѣвъ о. Василія, испугалась. О. Василій тотчасъ ободрилъ бѣдную женщину и велѣлъ ей все подробно рассказать. Она, заливаясь слезами, рассказала ему про всю свою несчастную, горькую жизнь. Ей, говорила она, не осталось уже ничего, только бросить хату и мужа и дѣтей, и идти по міру, куда глаза поведутъ. О. Василій постарался, какъ и чѣмъ могъ, успокоить и утѣшить несчастную.

Между тѣмъ на дворѣ прояснилось, и онъ пошелъ домой. На пути онъ задался вопросомъ: кто виноватъ въ такомъ горѣ семейства? Несчастныя дѣти сидятъ безъ хлѣба, мучатся голодомъ и воруютъ. И вотъ изъ глубины души его послышался ему отвѣтъ: *я виноватъ!* Зачѣмъ же меня здѣсь поставили? За что даютъ мнѣ содержаніе, построили домъ, дали землю, еще и деньги съ казны? Развѣ только за одно служеніе? Не пастырь ли я? Не долженъ ли я искать заблудшихъ овецъ? Правда, я учу въ церкви, и мнѣ казалось, что тѣмъ я исполняю весь мой долгъ. Я учу приходящихъ ко мнѣ, а не долженъ ли я обратить еще большее вниманіе на тѣхъ, которые не приходятъ, а ихъ нужно привлечь? Я же оставилъ заблудшую овцу ея судьбѣ. Свѣтъ озарилъ его душу, только теперь онъ вполне понялъ, какъ высоко его званіе, и какъ велика его отвѣтственность предъ Богомъ.

На слѣдующій день онъ призвалъ къ себѣ дьяницу Ивана. Онъ пришелъ оборванный, блѣдный, вѣки на глазахъ опухлыя, лицо отвратительное. Со стра-

хомъ онъ сталъ предъ своимъ душпастыремъ. Но о. Василій не сказалъ ему ни одного непріятнаго слова, посмотрѣлъ на него съ жалостію и сколько могъ старался его ободрить. Онъ рассказывалъ ему, какъ попалъ въ его хату, и что онъ въ ней видѣлъ, и спросилъ его, какъ это вышло, какъ это могло быть, что онъ водку возлюбилъ болѣе, чѣмъ свою жену и дѣтей. Иванъ прослезился. Разговоръ продолжался, и когда Иванъ заявилъ, что оставить корчму, о. Василій сказалъ ему: приходи почаще ко мнѣ, когда будетъ у тебя свободное время. Будемъ говорить о томъ, что нужно тебѣ знать. Такъ онъ часто приходилъ къ о. Василю вечерами, и принималъ къ сердцу отеческія его наставленія.

Вотъ и спасено было семейство. Иванъ совершенно перемѣнился. Онъ первый приходилъ въ церковь, послѣдній уходилъ, вытрезвился, работалъ, уплатилъ долги, поправилъ свое хозяйство и со временемъ сталъ еще примѣромъ для другихъ. Такъ поступалъ о. Василій и съ другими заблудшими.

Черезъ нѣсколько лѣтъ трудно было узнать Новосело: такъ все въ немъ перемѣнилось. По плану о. Василя построены были мало-по-малу новые дома, вездѣ появились молоденькіе сады, люди стали осушивать поля и луга, земля стала лучше родить, раждала даже пшеницу, которую прежде не сѣвали, умножились пасѣки, со временемъ построена была церковь и великолѣпно украшена, устроена школа, для которой о. Василій самъ приготовилъ и учителя, что стоило ему много труда, такъ какъ положено тамъ было учить въ школѣ не только на русскомъ, но и на польскомъ и нѣмецкомъ языкахъ; основана была ссудная касса, въ которой занимали люди деньги на 5%, а не у ростовщиковъ-евреевъ, словомъ, Новосело стало образцовымъ приходомъ.

О. Василій занимался и ручнымъ трудомъ. Онъ самъ выдѣлывалъ колоды для ульевъ и всѣ снаряды хозяйственные. Онъ выучился дѣлать всякую мебель, и даже сдѣлалъ скрипку. Онъ былъ человѣкомъ начитаннымъ и особенно любилъ математику и астрономію. Каждый вечеръ читалъ нѣсколько листовъ изъ Библии и прочиталъ ее всю нѣсколько разъ, поэтому въ его проповѣдяхъ было множество примѣровъ изъ Библии. Въ 1864 году онъ умеръ и за нѣсколько лѣтъ до смерти приготовилъ и выгладилъ доски для гроба изъ своихъ тополей. Преданіе о его добродѣтельной жизни и образцовомъ душпастырствѣ живо въ его приходѣ, и долго будетъ жить.

Не подлежитъ сомнѣнію, что такіе усердные пастыри есть и въ Россіи, и даже не въ маломъ числѣ. Доказательствомъ тому служитъ религіозность русскаго народа вообще; но бываютъ и исключенія. И вотъ возникаетъ предъ нами вопросъ первой важности: если народъ ходитъ во тьмѣ и сѣни смертной, не знаетъ ни молитвъ, ни закона Божьяго, если онъ безобразничаетъ, пьянствуетъ, крадетъ и кражу считаетъ не грѣхомъ, а искусствомъ, *кто виноватъ?*

Въ нашей православной церкви—истина, въ томъ никакого сомнѣнія быть не можетъ; но иновѣрцы и иноплеменники упрекаютъ нашу церковь въ бездѣйствіи, въ отсутствіи живаго слова, а что чрезвычайно важно, въ отсутствіи бесѣды съ молодежью. Неужели терпѣть намъ такіе упреки и не показать имъ, что мы понимаемъ наше званіе быть свѣтильниками народу, солью земли?

Уже и западные славяне начинаютъ приходиться къ убѣжденію, что наша церковь—единая святая и соборная церковь по чистотѣ ея догматовъ. Тѣмъ не менѣе, мы должны признать, что у нихъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ болѣе

сдѣлано для церковнаго просвѣщенія народа, чѣмъ у насъ.

Многіе у насъ были безпечны, спали, когда врагъ сѣялъ плевелы; а теперь, слава Богу, просыпаемся и видимъ предъ собою «жатву многу». Къ такой жатвѣ зовутъ насъ поставленные надъ нами архипастыри. Послушаемъ ихъ и потрудимся усердно, чтобы не могли недруги наши упрекать насъ въ бездѣйствіи или равнодушіи. Не хорошо слишкомъ хвастаться чѣмъ-нибудь, но не хорошо и закрывать свои немощи и недостатки.

Встрѣчаются въ иныхъ приходяхъ (это, впрочемъ, не только у насъ бываетъ) такіе христіане, которые просто ничего не знаютъ, даже почему ихъ зовутъ христіанами. У нихъ только наслѣдственно, по преданію, удержались нѣкоторыя добрыя чувства, но нельзя сказать, чтобы они были православными христіанами по убѣжденію. Это, правда, и не легкая вещь; но, тѣмъ не менѣе, мы должны стремиться къ совершенству по силамъ. Нашъ народъ добрый, онъ вѣритъ всему, и потому легко совратить его во всякій расколъ, если его вѣра «корня не имѣетъ».

Задача священника, поставленнаго приходскимъ, состоитъ прежде всего въ томъ, чтобы разузнать, какой уровень церковнаго просвѣщенія его паствы. Онъ долженъ, какъ въ церкви на бесѣдахъ послѣ вечерни, такъ и при посѣщеніи домовъ прихожанъ, спрашивать дѣтей, какъ они молятся, а этимъ путемъ онъ узнаетъ и то, какъ молятся родители этихъ дѣтей, вообще всѣ прихожане. Бываетъ и такъ, что въ однихъ семьяхъ знаютъ однѣ молитвы, въ другихъ иныя. Когда-то былъ въ томъ или другомъ семействѣ причетникъ или дяконъ, который научилъ своихъ родныхъ книжной молитвѣ: такъ она и передается изъ рода въ родъ. Но бываютъ и такія семейства, въ которыхъ рѣшительно никто не

знаетъ молитвъ, и даже толкомъ не умѣютъ и перекреститься. Махаютъ рукой, а почему такъ дѣлаютъ—не знаютъ, равно какъ не знаютъ и молитвенныхъ словъ.

Первое дѣло священника будетъ научить всѣхъ прихожанъ истово креститься и обычнымъ ежедневнымъ молитвамъ, особенно въ такихъ приходяхъ, гдѣ школы нѣтъ, или гдѣ она только заводится. Это дѣло вовсе не такъ трудно, какъ представляется съ перваго раза. Прежде всего надобно оновѣстить прихожанъ, что, въ виду важности знанія молитвъ и закона Божьяго, будетъ послѣ каждой обѣдни, послѣ отпуста, обученіе всѣхъ и старшихъ, и младшихъ, что всѣ должны за священникомъ дословно и громко повторять до тѣхъ поръ, пока не будутъ знать все отлично. Послѣ отпуста станетъ священникъ лицомъ къ народу и громко крестится: «Во имя Отца» — за нимъ повторяютъ всѣ громко въ тактъ: «и Сына» — «и Святаго Духа» — «Аминь». Такъ повторяетъ священникъ десять, пятнадцать, а по обстоятельствамъ и больше разъ, при чемъ въ промежуткахъ исправляетъ всѣ неточности. Въ Малороссіи очень часто произносятъ люди: Ца—и Сына, и Святаго, и Духа, аминь. На это долженъ священникъ обратить вниманіе, спросить каждаго по одиночѣ, какъ они крестятся, какъ произносятъ эту молитву. Если научатся креститься правильно, долженъ внушить имъ, чтобы никогда иначе не крестились, а всегда именно такъ.

Въ слѣдующее воскресеніе или праздникъ дѣло наученія молитвѣ продолжается далѣе: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго». Это повторяется десять, пятнадцать или двадцать разъ, пока всѣ не научатся. Затѣмъ такимъ же образомъ научаются прихожане молитвѣ: «Господи Іисусе

Христе, Сыне Божій, молитвъ ради пречистыя Твоея Матери и всѣхъ святыхъ, помилуй насъ, аминь». Каждое слово такъ ясно и четко запомнится, что они рѣдко ошибутся въ отвѣтахъ. Церковь, посѣщаемая прежде изрѣдка, послѣ первыхъ же опытовъ такого ученія, наполнится народомъ, такъ какъ каждый пожелаетъ научиться молитвамъ.

Въ третье воскресеніе: «Слава Тебѣ Боже, слава Тебѣ» и «Царю небесный» сразу по такту на словахъ, послѣ поясненія значенія словъ, и, наконецъ, пѣніе на 6 гласъ. Въ этотъ вечеръ уже во всемъ приходѣ будутъ пѣть: «Царю небесный» и вездѣ будутъ молиться по изученному правилу. Такъ поступать и дальше. Въ продолженіи одного года весь приходъ оставитъ неправильныя молитвы, и люди сами другъ друга будутъ исправлять. Требуется при этомъ, чтобы то, чему священникъ училъ послѣ обѣдни, пояснялось молодежи на бесѣдѣ послѣ вечерни. Само собою разумѣется, что при этомъ никакъ не слѣдуетъ рѣзко обличать, тѣмъ паче бранить кого-либо. Надобно обращаться съ молодыми людьми кротко и ласково и возбуждать въ нихъ доброе соревнованіе.

Нѣкоторымъ кажется такой образъ ученія утомительнымъ для народа и священника; они думаютъ, что народъ не захочетъ такъ долго стоять въ церкви. Это зависитъ отъ положенія, въ какомъ находится приходъ, и отъ авторитета священника; но вообще можно сказать, что въ неохотѣ слушать слово Божіе и учиться—народъ упрекать нельзя; тѣмъ охотнѣе онъ будетъ учиться, когда увидитъ плоды ученія.

Другаго способа нѣтъ исправить вкравшіяся съ давняго времени у простаго народа искаженія молитвъ и символа вѣры. А такъ какъ отцы и матери считаютъ эти молитвы самими

хорошими, такъ какъ они переняли ихъ отъ своихъ отцовъ и матерей, они пойдутъ опять отъ рода въ родъ, пока развѣ школа не исправитъ.

Это же вѣрно, что при такомъ методѣ въ продолженіи года весь приходъ забудетъ старыя исковерканныя молитвы, а станетъ, развѣ съ немногими исключеніями, Бога хвалить по книжному и полюбитъ церковь—мать просвѣтительницу.

Я зналъ священника въ городѣ Кутахъ, въ Галиціи, который такимъ образомъ не только научилъ народъ всѣмъ молитвамъ и пѣнію, но и всему закону Божьему въ вопросахъ и отвѣтахъ. Это было уже слишкомъ много; но народъ охотно учился, и охотно такъ молится, и будетъ молиться изъ рода въ родъ.

Протоіерей І. Наумовичъ.

Извѣстія и замѣтки.

Общее собраніе членовъ С.-Петербургскаго Епархіальнаго Братства во имя Пресвятыя Богородицы.

Совѣтъ С.-Петербургскаго православнаго Епархіальнаго Братства во имя Пресвятыя Богородицы созвалъ членовъ Братства въ общее собраніе, которое и состоялось въ квартирѣ Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода вечеромъ, въ воскресенье, 18 декабря. Собраніе почтили присутствіемъ Высокопреосвященные архіепископы Никаноръ Одесскій и Алексій Литовскій, Преосвященный Германъ и ректоръ С.-Петербургской духовной академіи Преосвященный Антоній, епископъ Выборгскій, Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода К. П. Побѣдоносцевъ и другія высокопоставленные лица духовныя и свѣтскія. Хоръ Братства предъ началомъ собранія пропѣлъ: «Къ Богородицѣ прилежно нынѣ притецѣмъ». Затѣмъ предѣдатель Братства, Преосвященный Митрофанъ, епископъ Ладожскій, предложилъ собранію отчетъ о состояніи находящихся на попеченіи Братства церковно-приходскихъ школъ С.-Петербургской епархіи, съ мая мѣсяца по декабрь